

Анна ИЗОТОВА

К о л ю ч к а

Фамилия Жванецкий знакома мне с раннего детства, когда в столовой нашего большого дома собирались многочисленные друзья родителей, весело и шумно отмечая все возможные праздники. Их периодически-постоянный смех за столом, бесконечные шутки и анекдоты про евреев и не очень и костюмированные мини-шоу забыть невозможно. Больше всего мне нравилось, когда евреи, сидевшие за нашим столом, смеялись над самими собой. Тоже, видимо, не у Петросяна, а у Жванецкого учились...

Я помню, что одной из самых любимых мною передач была "Вокруг смеха" с незабвенным Сан Санычем Ивановым. И Карцев, и Ильченко, и Хазанов, и Ярмолюк, и Ширвиндт, и Державин, и Клара Новикова... Талантливых юмористов и сатириков было много, но Жванецкий лично для меня олицетворял высший пилотаж в этом жанре. Его манера говорить как-то вскользь, намёками, как бы ни о чём заставляла безудержно смеяться и одновременно задумываться о серьёзном. Он говорил адресно, доходчиво, прямо в сердце, зачастую минуя мозг.

Конечно, в детстве я не могла предположить, что любовь к Одессе меня настолько захватит, что она станет моим главным домом. Я представила себе не могла, что начну писать стихи и рассказы именно в этом городе, что однажды приду во Всемирный клуб одесситов на Маршальскую, где меня радушно встретят и поддержат моё робкое желание опубликовать написанное. И уж, конечно, мне в детстве было невдомёк, что президентом ВКО является не кто иной, как Михаил Михайлович Жванецкий.

Каждый раз, приходя в клуб, я ощущала незримое присутствие народного и заслуженного всеми фибрами души. Невероятно хотелось встретить его когда-нибудь там и поболтать в непринуждённой обстановке... Хотя, мне кажется, я бы ступшавалась и не смогла бы произнести ничего уместного в его присутствии, а тем более — пошутить...

Первая наша встреча состоялась в марте 2013 года, когда, не выдержав ожиданий в клу-

бе, я купила билеты на посмотреть и послушать Жванецкого в театр мюзикомедии. Странно, почему он выбирает именно эту площадку? Он что, знает, что мы с Рукманом рядом живём? И потом, "комедии" — понятно, но "муз-" (?) — он же не поёт. Верно, не поёт, но играет, а точнее — дирижирует. И инструменты его оркестра — улыбки, шёпот, хохот и аплодисменты, переходящие в овации. И вообще, почему я вдруг поверила кому-то, кто назвал этот одесский храм творчества театром музыкальной комедии? Ведь ясно же сказано: театр мюз комедии. Это жилище весёлых муз, которые раз в год приглашают главного волшебника города, чтобы устроить праздник и вдохновить его на весь последующий год...

Перед выступлением любимого писателя волновалась, как перед государственным экзаменом. Хуже. Вечером купила алую розу и написала краткую записку на большом листе бумаги. Речь шла о том, что я трепетно отношусь к нашей первой встрече, поскольку для меня это огромное событие. Я лично увижу Жванецкого! Живую легенду, истинного одессита — доброго, талантливого и безупречно остроумного... И этот великий человек приезжает ко мне, чтобы сделать мой вечер незабываемо праздничным и весёлым! Чем я это заслужила? И чем я могу отплатить? Роза и лист бумаги — это всё, что у меня есть, но после концерта и ухода автора со сцены даже они остались лежать на сценическом столе...

К восьмидесятилетию мэтра я подготовилась заранее, снова купив два билета. Муж скромно отказался, подруга сослалась на свои заботы о детях... Второй жертвой писательского гения на семейном совете было решено избрать моего папу (также мартовского именинника) как любителя острот и шуток, не только коллекционирующего чужие перлы, но и периодически генерирующего собственные. Особенно ему удаются смешные образы, среди которых лидирует дурачок с полным отсутствием гордыни и самолюбования.

Накануне творческого вечера я почувствова-

ла значительное ухудшение самочувствия и тут же передала оба билета родителям как своё главное сокровище и наследство. Завещание было передано сыну в устной форме. Сама же вместо концерта легла на больничную койку... За час до представления меня неожиданно выпустили на свободу, которой я решила распорядиться по-своему. Уже через пять минут я мчалась в такси по дороге домой, договариваясь с Борисом Исааковичем о третьем билете. "Дед Мороз" порекомендовал купить свободный билет в кассе.

Я вышла из квартиры и взглянула на экран мобильного телефона. До начала оставалось менее получаса. Запаниковав, я ускорила шаг... У первого окошка кассы стояли несколько человек. В списке имеющихся билетов остались только самые дорогие. На эту сумму я никак не рассчитывала... Пришлось на каблуках бежать домой за остатками сбережений, а затем стоять и молча терпеть у обменного пункта, пока фотографировали мой паспорт и пересчитывали деньги... Сердечный ритм учащался...

Прибывав во второй раз в кассу, я снова натолкнулась на препятствие — теперь в виде широкой мужской спины у окошка. Мне вдруг показалось, что он сейчас купит последний билет... С возгласом "Что мне эти бумажки? Искусство вечно!" я сунула в щель кассы сразу всё, что держала в руках: и паспорт, и наличные, и квитанцию об обмене валюты. Перед опешившим мужиком с недовольным лицом я извинилась, объяснив, что уже стояла в очереди. Кассир протянула мне долгожданный допуск к живому телу мэтра сатиры и юмора, во второй ряд партера, и, немного успокоившись, я отправилась за цветами...

Розы, только розы любимому писателю. Глубокого бордового цвета, бархатные, самые свежие из имевшихся...

Успела... Ура! Достаточно успела, чтобы снова подождать... После третьей волны аплодисментов Жванецкий вышел на сцену своего родного города. Он говорит, что каждый раз невероятно волнуется... Я тоже, особенно сейчас, когда моя рука дрожит от неуверенности, поскольку писать об этом человеке плохо или пошло я считаю преступлением.

Цветы лежали на моих коленях и ждали окончания концерта, но уже во втором отделении, после рассказа о женщине после сорока, у которой вместо младенца — бородатое лицо на

груди, я не выдержала и взбежала на сцену... Михаил Михайлович, прищурившись, с улыбкой смотрел на меня, а я протянула ему розы и попросила разрешения задать один вопрос. Он предложил сделать это чуть позднее, в конце вечера. Да я до конца не дотянула бы от волнения! И потом, второй раз на сцену, без цветов! А повод? Понимаю, невежливо, но задаю: "Как Вы уживаетесь со своей гениальностью?" И тут же, не выслушав ответ, сбегаю с места преступления... Вдогонку слышу: "Как я уживаюсь со своей гениальностью? Как с женой..."

Оказавшись снова в партере, я на несколько минут оглохла — настолько была смущена собственным поступком и взволнована тем, что причинила Жванецкому неудобство. Менее всего мне хотелось поставить его в неловкое положение! Михаил Маньевич подошёл к письменному столу и, укладывая розы, произнёс: "Колочая... Когда-то Алле Борисовне вот так же подарили живой букет роз и пожали руку..." Я расслабилась — этого человека невозможно заставить врасплох...

В продолжение всего юбилейного концерта я хлопала в ладоши, как маленький ребёнок на новогодней ёлке. Моему восторгу не было предела... Я восхищалась, восхищаюсь и надеюсь ещё долго восхищаться этим жизнелюбивым и неповторимым человеком — гением современной литературы. Чтобы точнее выразить мои чувства, скажу его же словами об Аркадии Райкине: "У него успех — у меня праздник!"

В конце творческого вечера букеты измерялись человеческим ростом и диаметром наполненных корзин. Жванецкий, взглянув на живой мемориал, заметил, что цветы, как обычно, отдают талант от зрителей. Праздничное настроение охватило весь зал, зрители рукоплескали стоя, а я встала у стены, спрятавшись от софитов и камер... Уходить от Жванецкого не хотелось ни вообще, ни в принципе.

Первым за кулисы ушёл он. Понятно, устал... Да и возраст... Юбилей всё-таки! И всё же возраст — это не о нём!

P. S. Через десять дней, первого апреля, я выпросила у мужа в подарок две книги Жванецкого. Он выкупил их на Дерибасовской и привёз мне. Я было намеревалась на памятную подпись на подарке, а он недоумённо посмотрел на меня: мол, пусть автор и подписывает... Так что, Михаил Михайлович, надеюсь на нашу следующую встречу.

Ася ЗИНЕВИЧ

С ю и т а

Ария "Воздух"
из Оркестровой сюиты №3 ре-мажор, И. С. Бах.

Это была одна из тех обыкновенных городских ночей, когда все сидят по своим боксам, кутаются в одеяла и гоняют по второму кругу чай. Вот только в отличие от точно таких же городских ночей, прошедших, скажем, лет 50 назад, разговаривать людям друг с другом было не о чём. И уж точно никому не приходило в голову попробовать нарушить тишину какой-нибудь музыкой или песней под гитару. Гитар в домах не было. Пластинки переплавили на тапочки. А что же было? Газеты. Газеты на экранах. Иногда из них раздавались крики убиваемых или убивающих. Но крики всегда можно было отключить.

Итак, ничто не нарушало спокойствия мёртвого города. Настоящему живыми оставались разве только мы, кошки. И людям мы были уже не нужны. Когда восходила луна, мы собирались на ветхих крышах, которые еще не успели снести, и ждали...

И в эту ничем не отличающуюся от других ночь мы решили собраться на крыше старого оперного театра. В последний раз. Даже надежда имеет свои пределы.

У намертво заколоченного входа валялась гипсовая рука. Ладонь её была раскрыта. Прекрасное не противится насилию. Храпя молчание, мы пролезли по тайному ходу.

Мы шествовали по анфиладе, и вслед нам смотрели позолоченные лица. Я вспомнила, как в детстве проникла сюда, чтобы

полюбоваться ими. Но толстая баба схватила меня за шкуру и сбросила с лестницы.

В конце коридора стояла скульптура. Изюм всех сил удерживала она что-то на хрупких плечах. Это были часы. Они стояли.

Вот и зал. Пустые кресла. Вздернутые пружины. И... сцена. Сколько раз я представляла себе, как буду выступать на ней перед людьми. Хотя бы в качестве фокуса. Раз — и я исчезаю на дне цилиндра. Но мечтой моей был орган. Даже сейчас он не спал. Ощущал наше дыхание, трепетное биение сердец, но не мог отозваться.

За сценой была винтовая лестница. Она кружила нас, поднимая всё выше, к лунному свету. А разве мы не кружим вот так, вокруг одной своей самой заветной мысли, не смея в неё поверить...

Наконец, все очутились на крыше. Душераздирающим воплем мы приветствовали своего вождя. И замерли в ожидании его слова.

— Люди стали мышами, — промолвил наш вождь. — Они прячутся по своим норкам, и за душой у них ни гроша. Все свои сокровища они отдали на разорение. Остались лишь зловонные кучи разлагающегося старья. Мы, коты, были человеческими котами. Но теперь всё кончено. Здесь больше нечего ждать. Мы уходим.

Я знала, что когда мы уйдём, время уйдёт вместе с нами. Прошлое останется в прошлом. Некому будет его помнить. Всё просто остановится, как те золотые часы. А мы... у нас больше не будет имён, данных человеком.

Мы все это знали и не могли оторвать взгляды от раскинувшегося внизу города. Казалось, каждый говорил:

"Дома, освещенные лунным светом, забудьте наши ночные песни.

Люди, скрывающиеся за оранжевыми огоньками окон. Нам будет не хватать ваших тайн.

Дети. Прощайте, дети. Вам будет некого мучить, некого ласкать и не с кем общаться, когда у вас не будет друзей.

Прощайте. Мы покидаем ваш мир".

Жанна ЖАРОВА

Театр абсурда

Мы артисты, наше место в буфете.
А. Островский. "Без вины виноватые".

В пьесе абсурда расписаны роли,
Но непонятен сюжет.
С болью рифмуются воля и доля.
Рифмы для истины нет.

"Сюр" нынче в моде, и в зрительном зале
Тесно — в театре аншлаги.
Кресла в партере давно разобрали,
Вход на галёрку — за "так".

Кто постановщик разыгранной пьесы?
Куклы — кто ваш кукловод?

В Киеве, Львове, Крыму и Одессе
Маски ведут хорovou.

Боги, очнитесь! Но боги не слышат...
Спорит с Венерою Марс.
Партия хора то громче, то тише.
Пахнет трагедией фарс.

Шут и король поменялись местами,
Кружатся сцена и зал.

Памятник павшим осыпан цветами...
Скоро ли будет финал?!

Зрителей нет в этом зрительном зале —
Каждый сегодня актёр.
Роль? — Не моя! Мне её навязали!!!
Что ты бормочешь, суфлёр?

Лампы софита слепят, а не светят.
Разум молчит до поры...
Что ж — я артист. Моё место — в буфете.
Я выхожу из игры.

Анатолий ЯНИ

Фотографии

Передо мною — фотографий ряд.
Нам чей-то объектив

Вот курит он,
а вот Литвак — солдат

В пилотке. Играет на гитаре.

На фото рядом — он же, но другой —
В побитой молю шляпе,

Стоит — хо-хо! — с протянутой рукой.
Не шутка ли? —

он милостыню просит.

Здесь — альпинист
в заснеженных горах,
А здесь даёт совет по телефону.
А сколько попугаев на плечах
Сидело, не дивясь такому трону?

Он с нами отовсюду говорит,
Будь двадцать первый век

или двадцатый.

А здесь он рядом с Гурвицем стоит
И пьёт вино в рубашке полосатой.

Его я вижу всюду и везде:
В кругу друзей и в обществе игрушек.
Теперь и здесь, в блокноте, на листе
Талант дарить добро

в нём обнаружен.

Хочет, чуть прищуривши глаза.

Талантов много, впрочем,
в нём раскрыл я.

Он говорил: "Хоть катится слеза,
Наш ангел золотой
расправит крылья!"

В его руках — рогатка пацана.
С голубкой рядом

нитками он вышит.

Опять ищу я: где ж его спина?
Он, видно, покурить куда-то вышел.